

Отзыв официального оппонента доктора исторических наук И.Л.Тихонова о диссертации М.В.Бояркина «Археология в краеведческих музеях Центрального Черноземья России (конец 1870-х – начало 1990-х гг.), представленной к защите на соискание ученой степени кандидата исторических наук по специальности 07.00.06 – археология в диссертационный совет Д.212.038.12 на базе ФГБОУ ВО «Воронежский государственный университет».

Истории археологии в регионе Центрального Черноземья России посвящено немало исследований историографического характера. Среди них обобщающие труды А.Д.Пряхина, Е.Ю.Захаровой, Г.Ю.Стародубцева, С.П.Щавелева и многих других исследователей. В некоторой степени в ряде работ затрагивались сюжеты, связанные со становлением музеев в регионе. Однако, анализ деятельности местных краеведческих музеев в области археологии предметом отдельного исследования ранее не становился. Это определяет актуальность и новизну рассматриваемой диссертации. Она насчитывает 215 страниц и состоит из введения, двух разделов (первый включает две главы, второй – три главы), заключения, списка использованных источников и специальной литературы, списка сокращений, 10 документальных приложений.

Во введении ставятся задачи исследования, приводится довольно подробный историографический обзор литературы, связанной с темой работы, даются характеристика документальных источников, которые в количестве около семидесяти были привлечены из различных центральных и региональных архивов.

Первый раздел рассматривает процесс возникновения губернских музеев в Центральном Черноземье и их деятельность до 1917 г. Первая глава этого раздела «Предпосылки организации губернских музеев. Место археологии в проектах создания губернских музеев Центрального Черноземья» анализирует условия, в которых появляются губернские музеи. Совершенно верно подчеркивается особая роль губернских статистических комитетов, которые почти повсеместно становятся первыми центрами исторического краеведения в регионах Российской империи и первой формой организации местных любителей и исследователей древностей. Вторая глава «Археологическая деятельность губернских музеев» посвящена археологическим исследованиям на территории центральных черноземных губерний, которые проводили сотрудники музеев и члены статистических комитетов, позднее губернских ученых архивных комиссий, выступившие инициаторами создания музеев и внесшие основной вклад в пополнение их археологических собраний. Автор диссертации скрупулезно и детально рассматривает их полевые работы, попытки составления археологических карт,

участие во всероссийских археологических съездах. Наиболее подробно анализируются деятельность Воронежской губернской архивной комиссии и затянувшийся процесс создания Воронежского губернского музея, в который с конца XIX в. стал активно поступать археологический материал. С точки зрения автора пополнение Тамбовского и Курского музеев происходило слабее, и местные деятели были менее вовлечены в археологические исследования этих регионов.

Вторая часть диссертации посвящена советскому периоду деятельности краеведческих музеев Центрального Черноземья. Верхним хронологически рубежом определено начало 1990-х гг., когда из краеведческих музеев выделяются специализированные археологические музеи. Для изучаемого региона их три – музей-заповедники «Костенки» и «Дивногорье» в Воронежской области и Областной музей археологии в Курске. Это немало для одного региона, учитывая общее не слишком большое количество археологических музеев в России.

В третьей главе «Динамика развития музейной археологии в регионе с 1917 г. до конца 1920-х гг.» анализируется процесс развития археологии в музеях изучаемого региона в условиях советской власти. Справедливо отмечается, что в Воронеже после закрытия филиала Московского археологического института и прекращения преподавания археологии в университете, музей остается единственным учреждением, в сферу деятельности которого входила археология. В Тамбове и Курске музеи также оказываются организующими центрами в области краеведения и археологии.

Четвертая глава охватывает большой хронологический период с 1930-х до 1980-х гг. и называется «Место археологии в советской модели краеведческого музея. Сотрудничество музеев с академическими и вузовскими экспедициями». В начале четвертой главы на стр. 108 - 111 подробно описываются полевые исследования Николая Васильевича Валукинского в 1930-е гг. При этом никакого освещения не получила его деятельность в самом Воронежском музее, где он оставался единственным сотрудником, продолжавшим заниматься археологией после разгрома начала 1930-х гг.

В части главы, посвященной послевоенному времени, выявлены и показаны административные изменения в ведомственной принадлежности и принципах деятельности краеведческих музеев. Далее значительная часть этой главы повествует об участии музеев Центрального Черноземья и их сотрудников в работе археологических экспедиций центральных учреждений Москвы и Ленинграда: Института истории материальной культуры (с 1957 г. Института археологии) и его Ленинградского отделения, Государственного исторического музея. Причем, в некоторых случаях выделены в небольшие подразделы даже отдельные экспедиции, например Донская

(Скифская лесостепная) под руководством Петра Дмитриевича Либерова или Южнорусская (Черниговская, Нижне-Донская) под руководством Светланы Александровны Плетневой. Последний раздел этой главы рассказывает о сотрудничестве музеев с высшими учебными заведениями региона, начало которому положила Анна Николаевна Москаленко. В конце главы абсолютно точно описывается ситуация в музеях Центрального Черноземья к 1980-м гг., вполне типичная и для других регионов СССР, когда в музеях были накоплены немалые археологические коллекции, но они оказывались мало востребованными и в экспозиционной, и в выставочной, и в научной работе. Главной причиной являлось отсутствие в структуре самостоятельных отделов археологии, чрезвычайно ограниченный штат археологов, в лучшем случае сводящийся к одному специалисту, и недостаточное финансирование всех сторон деятельности краеведческих музеев, которые с точки зрения правящей идеологии должны были выполнять функции политпросвещения и агитации масс.

Последняя пятая глава посвящена предпосылкам создания и начальному периоду деятельности трех специализированных археологических музеев, появившихся в регионе в начале 1990-х гг. Здесь можно было бы порекомендовать автору использовать в качестве еще одного источника воспоминания и рассказы очевидцев и участников событий. В последнее время «устная история» весьма популярна и может давать интересные результаты. Для примера, можно назвать книгу английской исследовательницы Памелы Смит об истории первобытной археологии в Кембридже, изданную в 2009 г. и основанную, прежде всего, на интервью, взятых у археологов Кембриджского университета.

В целом диссертация М.В.Бояркина является самостоятельным, законченным исследованием на актуальную тему, основанном на анализе многих источников. Автором обобщены результаты многих историографических штудий.

Основное замечание, возникшее у меня в ходе знакомства с диссертацией и публикациями Михаила Викторовича, сводится к тому, что по сути дела он рассматривает только один аспект деятельности музеев – полевые исследования и соответственно пополнение археологических собраний. Аспект, безусловно, важный, но отнюдь не единственный в деятельности музеев в области археологии. Неотъемлемой частью музейной работы являются инвентаризация, каталогизация, хранение, экспозиционно-выставочная деятельность, культурно-массовая работа, научные и просветительские публикации и т.д. Михаил Викторович сам является сотрудником Воронежского областного краеведческого музея, и все это должно быть ему хорошо знакомо. Однако об этих сторонах деятельности музеев на протяжении всего рассматриваемого периода с 1879

по начало 1990-х гг. упоминается очень редко. Так из текста второй главы остаются непонятными многие вопросы: какое, хотя бы приблизительно, количество археологических предметов находилось в Воронежском музее к 1917 г.; каков был состав собрания; были ли сделаны какие-нибудь описи или каталоги; что представляла собой экспозиция музея; была ли она доступна для посетителей. Полного ответа на эти вопросы нет и в следующих главах. При этом данные сюжеты имеют особую актуальность в связи с тем, что собрания музея очень сильно пострадали во время Великой Отечественной войны. При описаниях Тамбовского и Курского музеев, по крайней мере, приводятся сведения о количестве экспонатов. Однако, только из библиографических ссылок можно узнать, что в Тамбове еще до 1917 г. издавались каталоги и описи хранящихся в местном музее предметов.

В конце третьей главы на стр. 105 автор диссертации указывает, что «За первое десятилетие советской власти удалось наладить фондовую, экспозиционную, издательскую и экспедиционную работу». Последний вид деятельности описан и проанализирован очень детально, а остальные? Причем в некоторых случаях не используются возможности для освещения этих сюжетов, которые предоставляют материалы, собранные Михаилом Викторовичем. Так, например, во второй главе на стр. 60 указывается, что после посещения А.А.Спицына, прошедшего хронологическую атрибуцию артефактов, А.И.Милютин создал отдел первобытных древностей в Воронежском музее и составил о них записку, озвученную на заседании ВУАК уже после его смерти. Но содержание этой записки нам остается неизвестным.

В некоторых случаях автору следовало бы более осторожным в отдельных формулировках. Так, на стр. 111 четвертой главы можно прочитать такой вывод: «Главный результат предвоенного десятилетия - значительное пополнение археологической коллекции музея за счет проведенных раскопок, как самостоятельных, так и в составе совместных с академическими структурами экспедиций, которым руководство музея по возможности обеспечивало денежное финансирование». Каким образом это согласуется с написанным тремя страницами ранее (стр. 108): «К сожалению, тенденция выхолащивания исторического, а с ним и археологического, краеведения в Центральном Черноземье приобрела масштабы подлинной трагедии, приведшей к гибели или отказу от продолжения своей деятельности наиболее авторитетных краеведов. Воронежский музей в ходе этих событий потерял лучшие свои кадры». Далее перечисляются имена семи сотрудников музея, из которых один был расстрелян, а остальные сосланы в лагеря. Так что главным итогом предвоенного десятилетия, особенно

его начала, был полный разгром исторического и археологического краеведения, прервавший процесс становления местных центров археологии почти на три десятилетия. Эта печальная картина была убедительно показана в докторской диссертации Е.Ю.Захаровой.

Не очень понятно, почему автор диссертационного исследования вообще не упоминает о Белгородском историко-краеведческом музее, который существует с 1924 г. и к настоящему времени его археологическая коллекция насчитывает более 9 тысяч предметов. Не нашлось и упоминаний о Липецком областном краеведческом музее, который с 1956 г. приобрел статус областного, но ведет свое начало с 1909 г. от музея Петровского общества. Или там до начала 1990-х гг. вообще не было археологических коллекций?

Высказанные замечания могут иметь дискуссионный характер и не меняют общую положительную оценку диссертационного исследования М.В.Бояркина, проделавшего большую работу по сбору материала и по его подготовке.

Список использованной автором диссертации литературы насчитывает почти 250 наименований. Однако, не очень понятен принцип его деления на «Опубликованные источники» и «Литература». Так, например, публикации А.Н.Акиньшина, С.П.Щавелева и ряда других авторов присутствуют и в том, и в другом разделе. Труды П.Д.Либерова включены в первый раздел, а И.И.Ляпушкина и многих других исследователей во второй. Опубликованными источниками являются сборники документов, протоколы заседаний, отчеты, дневники, мемуары, письма, периодика тех лет и т.п., а не исследования современных авторов. Поэтому мне представляется, что большую часть позиций раздела «Опубликованные источники» следовало бы перенести в раздел «Литература».

В качестве приложений к диссертации представлены текстовые копии десяти документов. Из них, на мой взгляд, особый интерес представляют № 2 «Отчет о работе Воронежского музея за 1922-1923 гг.» и № 7 «Отчет о работе Музея-павильона «Костенки» за I полугодие 1974 г.» Из них мы можем узнать, чем же занимались музеи, кроме участия их сотрудников в полевых исследованиях.

Работа написана хорошим литературным языком, тщательно вычитана, в ней практически нет опечаток. Мне удалось заметить только две. На стр. 22, где упоминается губернский предводитель тамбовского дворянства Г.В.Кондоди. Вероятно, речь идет о Григории Владимировиче Кондоиди (1822 – 1894) владельце усадьбы в с. Новорусаново. На стр. 133 во фразе «довели раскоп до 0,30 м.» явно пропущено слово «глубины».

Автореферат полностью отражает содержание и структуру диссертационной работы. Основные положения диссертации изложены автором в 9 публикациях общим объемом 2,7 п.л., из них три статьи объемом 1,3 п.л. опубликованы в изданиях, рекомендованных ВАК. Рассмотренная диссертация Михаила Викторовича Бояркина удовлетворяет всем современным требованиям, установленным ВАК по отношению к кандидатским диссертациям, а автор заслуживает присуждения ученой степени кандидата исторических наук по специальности 07.00.06 – археология.

30.11.2020 г.

Тихонов Игорь Львович,
доктор исторических наук, доцент,

профессор кафедры археологии

Института истории ФГБОУ ВО

«Санкт-Петербургский государственный университет»

199034, Санкт-Петербург, Менделеевская линия, д. 5.

E-mail: I.Tikhonov@spbu.ru

ЛИЧНУЮ ПОДПИСЬ

Тихонова Н. К.
ЗАВЕРЯЮ

ЗАМЕСТИТЕЛЬ НАЧАЛЬНИКА
УПРАВЛЕНИЯ КАДРОВ СПбГУ
Н. К. КОРЕЛЬСКАЯ